18+

МИХАИЛ СКУБИЛИН

Тальков-камень

Михаил Скубилин

Тальков-камень. Проза. Стихи. Тексты песен

«Издательские решения»

Скубилин М. И.

Тальков-камень. Проза. Стихи. Тексты песен / М. И. Скубилин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743042-9

В этот небольшой сборник вошли стихи, песни и проза, преимущественно написанные автором в двухтысячных. Есть также тексты нескольких песен конца 80-х-начала 90-х, из магнитного альбома «Последняя осень», вышедшего в тираж в 1992 г. К текстам прилагаются ссылки на веб-сайт, где песни М. Скубилина можно послушать в авторском исполнении и в исполнении его друзей.

ISBN 978-5-44-743042-9

© Скубилин М. И.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе 6
Проза 7
Тальков-камень 7
Часть первая. 7
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Тальков-камень
Проза. Стихи. Тексты песен
Михаил Илларионович Скубилин

© Михаил Илларионович Скубилин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Об авторе

Михаил Скубилин родился в 1953 году в семье потомственного горного инженера Иллариона Скубилина и Нины Кашиной, донской казачки из рода Уховых. Дед Михаила, Илларион Яковлевич Скубилин, горный инженер, был вывезен Лазарем Кагановичем, из Донбасса, на строительство Московского метро. В конце сороковых годов прошлого века, его направили на разработку Бобринского угольного месторождения, на юге Московской области. Дед по материнской линии, казачий офицер, Иван Васильевич Ухов, был репрессирован в конце тридцатых и бесследно сгинул в Гулаговской мясорубке. Отчим матушки – из казаков, присягнувших советской власти. Иван Ксенофонтович Кашин, принял и воспитал Нину Ивановну, как родную дочь. И, участвуя в воспитании Михаила – был, хоть и строгим, но любящим дедом.

Отец и мать Михаила познакомились и сыграли свадьбу в Новочеркасске в 1949 году, будучи студентами политехнического института. Там родилась старшая сестра, Наталья. А сам он увидел свет в центре Российской возвышенности, у истоков Дона. Отец Михаила, работал инженером на шахте близ города Кимовска, став впоследствии её директором. Мама долгое время работала в угольной промышленности, позже став ведущим инженером информационно-вычислительного центра.

Родители, владели музыкальными инструментами. Их библиотека насчитывала несколько тысяч томов. В доме часто собирались друзья семьи на литературно-поэтические вечера. Запрета на «неправильную» литературу от родителей не было. Отец умело, ненавязчиво вёл детей по замысловатому, литературному лабиринту, формируя базу домашнего образования. И конечно музыка! Классика, Русский романс… Дети учились в музыкальной школе, по классу фортепиано. Сестра Михаила, Наталья, служит, до сей поры, педагогом в музыкальной школе.

Музыка и литература всегда были путеводными звёздами, Скубилину, на его жизненном пути. В школе, институте, в армии и на гражданке, он писал стихи, прозу, музыку. Играл на клавишах, на гитаре, в создаваемых, чаще всего, им самим ВИА. Михаил пел песни популярных исполнителей, песни друзей и конечно свои, рождённые в разное время, на протяжении жизненного пути.

Служить в армии довелось со старшим братом Игоря Талькова, Владимиром. С тех пор их по жизни связывает единомыслие, творчество и крепкая мужская дружба.

В конце восьмидесятых, прошлого века, Игорь пригласил Скубилина в свой музыкально-поэтический мир. Творчество Талькова, вдохновляло и окрыляло. В этот период Михаил много читает архивных материалов и пишет прозу, стихи – разумеется, в стол. Не будучи членом союза писателей – практически не возможно было что-либо опубликовать в то далёкое, славное время.

История, к сожалению, не имеет сослагательного наклонения. И всё же, будь в трагический день, 6-го октября 1991 года, рядом с Игорем, Владимир и Михаил – всё могло бы быть иначе…

В начале двухтысячных сгорел родительский дом Скубилина. Архивные материалы, стихи, проза, аудио и видео – практически всё, за малым исключением, было утеряно.

В новом отрезке творческих поисков было издано два музыкальных альбома «От шансона до рока» в 2013г. и «От Москвы до Кимовска» в 2014г.

В этот небольшой сборник вошли стихи, песни и проза, преимущественно написанные автором в двухтысячных. Есть так же тексты нескольких песен, конца 80-х-начала 90-х, из магнитного альбома «Последняя осень», вышедшего в тираж в 1992 г. К текстам прилагаются ссылки на веб-сайт, где песни М. Скубилина можно послушать, в авторском исполнении и в исполнении его друзей.

Проза

Тальков-камень

Часть первая.
Кимовск – моя земля

Дорогой мой читатель! Заранее прошу прощения, что по ходу повествования я буду перемещаться вместе с тобой и в пространстве, и во времени. Нарушая хронологию, будем ломать линию сюжета, возвращаясь в прошлое или устремляясь в будущее к новым или оставленным на время героям, реальным или вымышленным. А ещё я, возможно, буду лезть поперёк сюжета со своими ворчливыми комментариями догадками и выводами. Ты уж прости меня за это. Видно с возрастом, потребность иногда поёрничать или пофилософствовать, слегка гипертрофируется… Но обещаю тебе, мой друг, максимально приблизить повествование к истинной географии озвученных мест и придерживаться достоверности, возникающих сюжетных линий. Поскольку, на мой взгляд, это художественное изделие ручной работы – оставляю за собой авторское право иногда слегка «образно повымыслить». При этом постараюсь передать реальную палитру чувств, мыслей, времён и событий.

Хотите со мной на чудесную речку Проня? Тогда полетели! Закройте глаза… Ещё чуть-чуть… Открывайте… Мы пронзили и время, и пространство… 1922 год… Видите, прозрачную ниточку, вытекающую из болот у деревни Лужки? Как она, разрезая мощные чернозёмы Тульской и Рязанской губерний, принимает в свои светлые воды выдохи ручейков и речушек? Слышите? – Это поёт на перекатах светлоокая красавица Проня. Лаская берега плодородной землицы, Пронюшка, пробежав, без малого, четыреста вёрст – впадёт в трудягу Оку, которая, в свою очередь, в Нижнем Новгороде сольётся с сударыней Волгой.

Отвлеклись! В Гремячево, на Проню! Там, на Рязанском берегу, ордынцы разбивали шатры, чтобы приготовиться к решительному броску на Москву. Многие из близлежащих поселений были основаны опальными стрельцами. Пётр Алексеевич, переломив сестрицу Софью через колено, выслал сюда, оставшихся в живых её верных воинов, с семьями. А потому и Стрелецкие Выселки и Стрелецкая слобода, и Стрелковка…

Недалеко от Ржевки, в Проню впадает Араповка. Сейчас её именуют Тетяковкой, по названию деревни, на её крутом берегу. Таинственное и намоленное место.

Под обрывом два, приваленных лаза. Это вход в Гремячевские пещеры. Говорят, что в этих катакомбах находили себе приют и защиту от диких зверей ещё наши прапращуры. В обозримом прошлом – пещеры использовали на Гремячевском рубеже, для тайных перемещений воинов Московского княжества в битвах с Рязанскими братьями и с ордынцами. Чуть позже здесь заложили крепость, от которой в наши дни ничего не осталось.

В середине девятнадцатого века Гремячевский крестьянин, Яшка Павлов, сотоварищи, расширили ходы, выдолбили в тоннелях лавочки. Устроили кельи для уединённого моления – всё как в Киево-Печерской лавре. Народ потянулся на моление к святым пещерам. Вскоре близлежащие храмы практически опустели – верующие предпочитали общаться с Господом в пещерах или возле оных. Духовенство стало терять и паству и доходы. Приказом Тульского генерал-губернатора, входы в пещеры были подвалены в 1856 году.

Народ вернулся в храмы. И только самые фанатичные, устроив скрытые лазы, продолжали тайное моление в подземных кельях.

Пещеры привлекали своей загадочной историей, уходящей к истокам цивилизации, энтузиастов со всего Союза. Случалось, что люди пропадали, заплутав в подземном лабиринте. К семидесятым годам двадцатого столетия плотина на Прони встанет тромбом, перекрыв её естественное течение. Вода поднимется, и водохранилище проглотит большую часть загадочных пещер. Говорят, что сейчас отрыты новые ходы, через которые можно попасть в верхние отдушины пещер.

Не устали парить? – Тогда плавненько повернёмся спиной к солнышку… Видите городок близ былинного Иван-озера, ставшего Шатским водохранилищем? Это Бобрики, которые вскоре станут Сталиногорском, переименованным позже Никитой в Новомосковск. Смотрите, в Детском парке, из родничка, подпитываемого Иван-озером, вытекает ручеёк. Это начало Великой Русской реки Дон. Через Иван-озеро должен был проходить судоходный канал, соединяющий истоки Дона с Волгой. Пётр I, согнав крестьян, приступил к реализации грандиозного проекта. Были произведены большие земляные работы. Канал, кроме всего прочего, должен был связать и реку Шат, вытекающую из озера, с рекой Упой, под Тулой. Уже оформились 33 шлюза… И тут – победно завершилась Северная война, открывшая выход Российской империи к морю. Герр Питер сразу же охладел к проекту – мыслями он уже командовал флотом Его Императорского Величества на Балтике. Крестьян распустили по домам. Фантастическое инженерное решение, подкреплённое авантюризмом и железной волей Петра! Водная артерия, длиной около 300 километров, до сих пор собирает в себя родниковые воды, атмосферные осадки и прочие талые воды и служит нам, по мере сил.

А Дон, быстро набирая силу, уже журчит по руслу, устроенному государем в предместьях Бобрик-Горы. Это бывшие земли князей Милославских, перешедшие к графьям Ладыженским, в период правление Петра Алексеевича. В конце 60-х годов восемнадцатого века Екатерина Алексеевна выкупила земельку у Ладыженских. Чуть позже, передала её с деревеньками и людишками, в наследственное пользование Алёшеньке Бобринскому, своему любимому сыночку, появившемуся на свет в результате грешной любви к Грише Орлову. Вот по поводу грешной любви можно поспорить, конечно. Любовь и связь, и дитя – это факт неоспоримый. Но вот может ли Любовь быть грешной?..

Заглянем на минутку в небольшой городок, на возвышенности, к Юго-востоку от Бобрик-Горы. Не могу пролететь мимо своей малой Родины. Кимовск, районный город на стыке трёх областей, появился на свет, благодаря матушке природе, наделивший недра в истоках Дона бурым угольком.

Шла война и Бобриковский горизонт, насыщенный пластами и линзами этого угля должен был внести свой вклад в желанную победу. Первые шахтёры жили в землянках. На многих работах были заняты женщины. Молодые, отчаянные, свято верящие в нашу победу. Они стали «рубать уголёк» и в промышленных масштабах выдавать его на-гора, уже в сорок третьем. Гранковское месторождение вносило свой посильный вклад в дело Великой Победы! Город появился не в чистом поле – село Михайловка, разрастаясь, к сорок восьмому получило статус рабочего посёлка. Коммунистический интернационал молодёжи дал название новому поселению горняков. Комсомольцы – энтузиасты были в первых рядах строителей светлого будущего.

Депортированные вождём Кавказские и Поволжские немцы, получили возможность из Казахстана и Сибири подняться в Московское подбрюшье, спустившись в угольные шахты. Позже, и часть военнопленных, создав семьи, осела здесь, на русской землице. Приехали специалисты из Донбасса. В пятидесятых стали подтягиваться бывшие «враги народа». Так же власти подкинули за сто первый километр от столицы и антисоциальный элемент. Одним словом – собравшись воедино, множилось дружное межнациональное, мультисоциальное горняцкое братство. Постепенно мужики подмяли под себя все подземные работы, и разумеется –

инженерные должности. И только в «маркшейдерской кухне», с правом на подземный стаж, кое-где остались женщины.

Игорь появился на свет в интернациональной семье. Отец – из бывших военнопленных немцев, а матушка из местных, деревенских. Выходцы из Ирландии, Герлейны, выбрали для поселения Крёфельд, благодаря католическому костёлу, построенному здесь по распоряжению короля Пруссии, Фридриха Великого. Род матерел, крепчал и множился, пустив ветви по всей Германии. Один из предков матушки, казак с Хопра Акинфий Полбицин, был участником подавления восстания Болотникова. За верность и отвагу получил от Василия Шуйского хуторок близ крепости Епифань, недалеко от теперешнего Кимовска. Нет уже и в помине того хуторка – но с него выросла и распушилась мощная ветвь генеалогического древа Полбициных. По обоюдному согласию супругов, Рейнгольд Герлейн, со временем, окончательно стал Романом. Поэтому, родившегося Игоря, записав на свою фамилию, наградил вполне славянским отчеством. Обозначили сына русским, по матушке. Старшая сестра Игоря, Марта, при всём при этом – до шестнадцати лет, была немкой и Рейнгольдовной. Роман вполне сносно говорил по-русски и только в общении с земляками переходил на немецкий. Как – то само собой вышло так, что Игорь стал двуязычным. Ему нравилось, забравшись на колени к отцу, впитывать в себя звуки речи его соплеменников. Образовалась забавная ситуация в их семействе. Марта, немка – языка Гётте не знала, за исключением простейших выражений. Игорь, русский – знал немецкий в совершенстве… В общем, случались здесь и такие межэтнические коллизии. Военнопленные, бок о бок с нашими, строили бараки, двухэтажные домишки, куда из землянок переселялись шахтёры. В пятьдесят седьмом был отстроен стадион, с прилегающей к нему зоной активного отдыха. В городе появилось несколько фонтанов, в которых в жаркие дни плескалась детвора. В ближайшем пригороде, поставив бетонную плотину на ручье, оборудовали большую водную станцию, с мостками, лодками и летними кафе. В ту пору, Кимовск был неотъемлемой частью Московской области – с солидным финансированием и соответствующим продовольственным снабжением. Колбасные электрички семидесятых ни кому не могли присниться и в кошмарном сне.

Зимой пятьдесят пятого, Мосшахтострой пополнился дембелями стройбатовцами, в рядах которых были и бывшие Бериевские «гвардейцы». В Кимовск, на Бобринские стройки, слетелись за длинным рублём, около 400 специалистов. Расселили дембелей в нескольких общежитиях. Всё чаще и чаще стали возникать конфликтные ситуации. Пришлые избивали и грабили местных. Врывались в женские общежития, где буйствовали и насиловали девчат. Большинство дел заминалось и спускалось на тормозах. Народ терпел – но копил возмущение до поры. Рано или поздно этот гнойник должен был вскрыться…

Трагедия разразилась второго мая одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Зоны отдыха, окружающей стадион имени В.И Ленина, ещё не было, как впрочем, и самого стадиона. Футбольные матчи, и массовые гуляния проходили в живописном месте у берёзовой рощи Карачевского леса. Народ гулял. На поле выбежали два морячка. Кителя порваны, тельняшки в крови…

– Братцы! Чучмеки озверели совсем! На Октябрьской убили женщину с ребёнком! Двух девчонок изнасиловали и тоже убили. Мусора разбежались! Сколько можно терпеть! За Родину! За Сталина!!!

Если бы здесь и сейчас взорвалась бомба – большего эффекта вряд ли удалось бы достичь. Народ с криками ринулся к общежитию строителей. Люди выскакивали из домов и присоединялись к бунтующим. В это же время, с центральной площади, от Дома Культуры, возбуждённая толпа ринулась на Октябрьскую, к месту проживания кавказцев. По законам жанра, многотысячная толпа вскоре приступила к погромам.

Отдельная высокоорганизованная группа, ворвавшись в здание милиции, попыталась разоружить дежурных и вскрыть оружейку. Удалось ли это или нет сейчас можно узнать только

из документов, которые, к сожалению, до сих пор находятся под грифом секретности. Многие из стражей порядка в душе были на стороне бунтующего народа.

Позже, парторг шахты, который жил по соседству с Герлейнами, говорил, что призывы к расправе прозвучали одновременно в нескольких местах массового скопления людей. А через несколько минут, после начала бунта, вражьи голоса передавали экстренные новости о межнациональном вооружённом конфликте на юге Московской области.

За некоторыми, из одиннадцати погибших, приехали родственники. Остальных приняла землица на местном погосте. Но жизнь продолжалась, оглянуться назад, просто не было времени. Страна требовала угля. Выходных на шахтах не бывает – трёхсменный непрерывный цикл. «Дадим стране угля!.. Хоть мелкого, но много!» Следствие прошло быстро, словно по заготовленному сценарию. Многие факты игнорировались. В районной газетёнке тиснули статейку о пьяном дебоше местной шпаны, переросшем в поножовщину.

Одиннадцать шахтёров быстренько осудили на срок от пяти до двадцати пяти… Из строителей на скамью подсудимых сели двое – Исмаилов и Сеидов.… За хулиганские действия, послужившие поводом возникновению драки… Смены руководства отделения милиции не произошло, хотя втайне многие уповали на это. По представлению Генерального прокурора, поддержанному Секретарём Московского Обкома КПСС Капитоновым, слушанья проходили в Московском областном суде без выезда на место, лишая большинство кимовчан и участия, и самой возможности присутствия.

Никакой национальной вражды! Распущенность и пьянство, с которым надо бороться на всех уровнях! Народ смолчал… Такое время было – страх жил в тесном соседстве с энтузиазмом. Это событие было строжайше табуировано к публичному поминанию, даже всуе. Менялись правители, времена и нравы – но запрета никто не снимал. Слишком щекотливы темы межнациональных противоречий в нашей многоконфессиональной стране. Но людская память запретов не приемлет. Она сама всё перемалывает, отсевает, ревизуют и отправляет на удалённый сервер то, что посчитает нужным. Странная штука она, эта память. Избирательна, и крайне осторожна порой. Прямого или затаённого зла, замешенного на национализме, не оставили в своей душе кимовчане. Если и вспоминают эти чёрные дни – то только как страшный сон, давно минувших дней. Эх, эта загадочная русская душа…

Из доклада генпрокурора СССР Романа Руденко:

«Секретно. В ЦК КПСС.

Докладываю, что Прокуратурой СССР закончено следствие по делу о массовых беспорядках, имевших место 2 мая с.г. в г. Кимовске, Московской области»…

Прости, мой терпеливый ведомый, но тень цензора, висевшая над свободой слова в 1955 году, мгновенно переместится с нами в год 2015. Не только мы с тобой обладаем способностью преодолевать пространство и время. «Низзя»! – и всё тут. Скажу тебе по секрету, что этот документ преспокойненько существует в свободном доступе на просторах интернета…

Одиннадцать погибших строителей… Одиннадцать осуждённых шахтёров… Какая-то арифметика, вроде бы! Но, по истечении некоторого времени, людей стали выхватывать из семей по ночам и отправлять в места не столь отдалённые. «Грузили» в основном по пятёрочке, но кому и двадцать пять «отвешивали»! Кто-то весьма профессионально фотографировал события в лицах, фиксируя эпизоды того страшного дня. Эти фото и служили поводом для арестов. Многим срока со временем скостили. С начала шестидесятых стали мужички возвращаться по домам. На водной станции, в сезон купания, открывалась «картинная галерея». Там и тут мелькали перед глазами, «Богатыри», «Ленины и Сталины», «Храмы и Лики» и прочие сюжеты, наколотые умелой рукой на тела бывших ЗК.

Романа арестовали дождливой сентябрьской ночью – быстро, внезапно, без лишнего шума. На первом допросе ему предъявили несколько фото. На одном из них, Герлейн выхвачен крупным планом из толпы. Явно узнаваемый профиль и на плече переломленная двустволка…

В тот злосчастный день, Роман, вернувшись с работы, обнаружил лужу крови на лестничной площадке, открытую дверь квартиры и отсутствие кого – либо из родных. Стал ломиться к соседям, но никого не было дома – все вышли на улицы, от мала до велика. Он схватил ружьё, переломил, дослав два патрона с «бекасином» и кинулся в город. Общежитие строителей было как раз напротив его дома. Вывороченные оконные рамы, сорванные с петель двери, кровь на тротуаре и крыльце… Основная толпа схлынула бродить по городу в поисках «чучмеков». Роман летел, разрезая встречный поток, не отвечая на приветствия. Бежал к сестре супруги с тайной надеждой на чудо.

Ольга с детьми была там. Они, закрывшись, дрожали от страха на кухне. Он обнимал, целовал всех, плача от радости, что-то лепетал по-немецки.

Ольга, заикаясь, рассказала, что произошло. Она покормила ребят и собралась с ними на стадион. Вдруг кто-то стал настойчиво стучать в дверь, что- то кричать и молить о пощаде. Шпингалет вывалился с мясом, и у распахнутой двери толпа настигла жертву. Это был один из сбежавших из общежития кавказец. Его в считанные секунды превратили в кусок мяса. Два мужика, схватив труп за ноги, выволокли на улицу, где продолжили пинать безжизненное тело. Обезумевшая Ольга, схватив детей, кинулась дворами к своей сестре, инстинктивно избегая мест проживания «стройбатовцев». Решили до утра отсидеться у Татьяны. Роман вернулся, чтобы забрать кое-что из детских вещей. Он вышел из подъезда и заметил, что щеколда, условно запирающая сарай откинута.

– Брат! Спаси! Хлебом клянусь, мы никого не трогали!..

Герлейн принёс двум напуганным, затравленным строителям буханку хлеба, несколько пучков зелёного лука и кулёчек с солью.

– Ночью уходите! Иначе вас разорвут… И нас вместе с вами.

Из КПЗ его быстренько сплавили в Москву, в Матросскую тишину – и машина быстросудия закрутилась, завертелась…

Парторг шахты кинулся к первому секретарю Райкома партии с просьбой выручать одного их ведущих инженеров.

– Да, ты в своём уме, Вася? Чтобы я стал хлопотать за фашиста? От кого, от кого, а от тебя такого не ожидал…

– Анатолич, ну какой он фашист? Единственный настоящий горный инженер на шахте. До войны работал консультантом в метрострое. Его как барана вывезли из страны в сорок первом, нацепили форму – и в инженерный батальон. Здесь, под Москвой он сам в плен сдался… Коммунист, антифашист и специалист с большой буквы!

– Ты знаешь, что его со стволом накрыли?! Меня никто слушать не станет… А по шапке влупят и самого посадят! И тебя вместе со мной… Это дело политическое в первую очередь. Уголовка – так, с боку прищепка… На него двадцать восемь доносов лежит у Гэбэшника. Двадцать-во-семь! Чуешь, чем пахнет?

– Ну, пожалуйста, Анатолич, я голову за него положу!

– Нет, Вася!.. Кто дело ведёт?

– Майор Кречет из Москвы.

– Случайно не Пётр Петрович?

– Точно, Петрович…

– Единственное, что могу тебе пообещать – свести с ним. Этот парень в моём полку в разведке шустрил. Мужик правильный. Может, что у вас и срастётся.

– Спасибо, Анатолич и на этом. Бог даст, всё сладится.

«Ну, ты ещё свечку тут поставь» – секретарь глазами указал на бюст Сталина.

– Всё! давай. Не забудь послезавтра на бюро к девяти.

Через два месяца Роман был дома. Влупили штраф за мелкое хулиганство и конфисковали ружьё. Кречет дотошно разобрался в деле. Опросил кучу свидетелей и выдвигать серьёзных обвинений не стал. На самом деле – правильный мужик оказался.

Рукоятчица, такой же стволовой оператор, только у устья, проще говоря, на поверхности. На зумпфе, то-бишь под землёй, приняв жетоны у возвращающихся на-гора шахтёров, лифтёрами служат исключительно мужики. Они именуются стволовыми. У рукоятчиц работы, как таковой, больше – принять мужичков, лампы аккумуляторные на зарядку расставить и загнать всех в баню поскорее, чтоб не крутились под ногами. А тех, кто спускался на смену – обнюхать на предмет «поддавона», проверить наличие жетона, лампы и самоспасателя. Затем надо закрыть клеть и по внутренней связи передать стволовому команду на спуск. Тот нажимает кнопку – лебёдка, раскручивая канат, опускает клеть в «преисподнюю» И всё же разница, между двумя половинками одного целого, огромная. Во-первых, в зарплате, во-вторых, в наличии подземного стажа – ну и конечно в названии профессии. Ещё при Никите «умные головы» решили, что женщинам в шахте очень тяжело. Потому и выгнали на-гора и всех стволовых, сцепщиц, мотористок – отдав их хлеб мужикам. А слабый пол «осчастливили лёгкой работой». Женщины стали трудиться горнорабочими внутришахтного транспорта… На поверхности. К примеру, породонасыпщица всю смену подгружает лопатой породу. А колчеданов, выпадающих из вагонеток на землю – немерено и ещё чуток. Лопата с этой байдой – весит килограммов десять, а то и больше. Хотите полегче – ремонт путей на поверхности, с укладкой шпал и забиванием обушками костылей. Кнопки нажимать под землёй – куда как сложнее-то… В общем «Каждому своё», Прости Господи!

Федьку всё-таки приловили! Рукоятчица Зинка, по кличке «хендехох», здоровенная глыбообразная баба, сияла как первомайское солнышко.

Сотников работал дренажистом. Это одна из самых грязных и малооплачеваемых работ в шахте. Официально специальность позиционировалась как «рабочий Внутри-Шахтного Транспорта». Дренажист – это почти что говночист «на-горах». Никто добровольно не лез под землю, чтобы как поросёнок рыться, прочищая километры шахтных дренажей. Сюда «ссылали» за пьянку, за прогулы, за дебоши и т. д. Это была соломинка, за которую можно было схватиться перед «окончательным утоплением». При всех минусах был один, но очень весомый плюс – подземный стаж начислялся на общих основаниях. Если в течение года у проштрафившихся не случалось залётов – им могли вернуть прежние специальности. Конечно, система была доморощенным ноу-хау – тем не менее, прижилась повсеместно, на всех шахтах.

Фёдор Сотников «опустился к дренажам» три года назад. Его пару раз под шафе прихватила Зинка у клети. Татьяна вымолила у директора «условное прощение» своему непутёвому мужу. Вскоре рукоятчицы стали замечать, что мужик частенько поднимается из шахты с запахом, а то и откровенно пьяным. Это было необъяснимо и нелогично. Наказывать- то было вроде не за что. Вышел из клети – смену отработал. В баню, шахтёр заходит уже вольной птицей. Стали обыскивать каморку дренажистов под землёй на предмет алкоголя. Федьку шманали с головы до ног перед спуском. Собирали специальную комиссию, куда входили и заместитель главного инженера и главный механик… Федька был чист – аки Ангел. Мужики, подпаивали Сотникова, пытаясь выведать «военную тайну». Он принимал угощение с благодарностью – но тайны не раскрывал.

Зинка вычислила его тайник! Короче «отхендехохила Сотника и выперла с шахты», как говорили про меж собой работяги.

Свежезаваренный, натуральный, процеженный кофе можно было набрать из обычного крана, как и газировку совершенно бесплатно. Шахтёры, перед спуском наполняли свои

фляжки, по потребности. Разумеется, и у Федьки была фляжка. Её в первую очередь обнюхивали, а то и пробовали жидкость на вкус. Всегда там была только газировка…

И вот однажды Зинка заметила, что «вражина» очень уж быстро отходит от раздаточного крана. Отобрав у Федьки фляжку, слила содержимое в раковину. Какую-то часть объёма занимало постороннее включение. Оно болталось, но и не думало выливаться. Зинка достала вязальную спицу из тумбочки…

«Кулибин» загодя засовывал во флягу презерватив, вливал в него стакан спирта и завязывал ниткой. В шахте он протыкал заготовку и сосал потихоньку свой убойный коктейль из спирта с газировкой.

Шахта вырабатывалась на погашение. Проходчики «нарезали» штреки под устройство крайнего очистного забоя, основного поставщика угля на-гора. Действующая лава уже подходила к главному стволу, выгрызая зубастыми шнеками комбайна угольный пласт. А они в Подмосковье – мощные, до двух метров и более. Правда сказать, уголёк средней паршивости. Но его обогащали и гнали на Рязанскую, Новомосковскую и прочие теплоэлектростанции. Совсем скоро, «кормилица» будет напоминать о себе только осиротевшим терриконом – как и многие, выработавшиеся в округе шахты.

Клеть – это тот же лифт, только с арматурной решёткой в металлической кабине. Как говорится: «Клетка – она и в Африке клетка»… Игорь работал под землёй третий год. Всё это время клеть была в стадии перманентного ремонта. «Старики» рассказывали страшные истории, связанные с поломкой «машины», обрывом канатов и падением кабины в ствол. Больше десяти человек ни на спуск, ни на подъём не пускали, хотя при желании можно было ещё пятерых втиснуть запросто. Парень месяца два панически боялся процедуры – пока отец не разжевал ему все конструктивные особенности механизма. При возможном обрыве – специальные захваты намертво фиксировались на направляющих, страхуя кабину от падения. Хотя бывали, конечно, ЧП и «на-горах». (О статистике смертных случаев в забое вовсе умолчим, дабы не нагружать читателя).

Игорь, сделал головокружительную карьеру. За три года он стал ГРОЗом пятого разряда. Обычно, чтобы попасть в очистной забой, шахтёры вламывают лет по пять-шесть на менее престижных работах. ГоРнорабочий Очистного Забоя – это горняцкая элита! Правда передовые проходчики зарабатывали не меньше – но не все и не всегда. Поскольку шахта шла на погашение, и многие переметнулись поближе к Венёву, где открывались новые предприятия – Игорю удалось «поймать удачу за хвост».

Однажды, на танцах в Доме культуры, он увидел Валю – и «погиб». Громадные глаза, цвета морской волны, прожгли душу насквозь, разбудив неведомое сладостное чувство. Девушка училась в соседнем городе, в музыкальном училище и домой приезжала только по выходным. Игорь в любую свободную минуту мчался в Новомосковск, не представляя, как до сих пор он мог жить без неё.

Через полгода Валя получила диплом преподавателя по классу фортепиано и по распределению попала в Кимовскую музыкальную школу. Ещё через пару месяцев сыграли свадьбу. Родившегося сына назвали Романом, в честь деда. Купили по случаю кирпичный дом с видом на берёзовую рощу и зажили счастливо, сытно, в мире и согласии – свято веря, что скоро настанет светлое-светлое завтра… И всем сразу и навсегда станет «лучше, чем вчера».

– Игорёк, нам студента на шею подсадили. Сынок главного инженера. Практика у него ознакомительная, блин! Володя Куницын, горный мастер смены, крепко ругнулся и сплюнул «по-шпански», сквозь зубы.

– И что?

– А то! Будешь у него наставником.

– Да, брось, Володь, какой из меня наставник?

– Всё! Я уже приказ у директора подписал. Месяц по среднесдельной посачкуешь.

– Да на хрена мне из-за этого козла деньги терять? Что я рыжий, что ли?

– Во-первых – ты самый молодой. Во-вторых, я тебя на «семёрку» записал!

– Да ты чего?! Без балды?

– Зуб даю! В конце месяца две машины выделят на нашу смену. Только цвет будет Кузьмич выбирать. Тебе – какая останется.

– Да чего там цвет?.. «Семёрочка»!!! Я «копейку» отцову убил совсем. Спасибо, Володя!!! Давай хоть десять студентов!

– Ну, вот и ладушки. Завтра на наряде официально вас «поженим».

Машина, в то славное время, была вожделенным предметом роскоши. Правда, подержанные агрегаты можно было купить через комиссионку, но по цене в два раза превосходящей цену нового автомобиля. Одной из привилегий шахтёров была возможность за два – три года ударного труда получить право на покупку новой «ласточки».

Игорь подвёл Тараса к узкоколейке, идущей из-под земли к вершине террикона.

Студент достал сигарету и картинно закурил.

– Ты чего делаешь? Курить нельзя! Дымят только в курилках. Твой же батя нас прижучит и влупит мне «по самое не балуйся»

– А тебе-то за что?

– Я – твой наставник. А значит, за всё отвечаю.

«Ну и порядки, тут у вас, блин!» – с обидой процедил Тарас, и растоптал брошенную сигарету.

– Это ты дома с папой обсудишь. Кстати он и завёл у нас эти порядки.

А если, не дай Бог, в шахте с куревом прихватят – семь секунд на увольнение!

– Ладно, понял – не зуди!

– Это слепой ствол, наклонный. Мы зовём его штольней. Через него проходит оборудование, горбыль, лес, тюбинги и прочая дребедень. Ну и породу на-гора гонят. Это в Донбассе канатки над терриконами – у нас всё проще.

Игорь не стал нарушать традицию и стал «заряжать» студента шахтёрскими байками: «Видишь, какая большая норка! Всё что над землёй – устье. Ниже горизонта шахтного двора – это зумпф. А всё вместе – штольня.

– Да проходили, знаем…

– По штольне запросто можно в шахту спуститься. Самое страшное, когда вниз заходит корова. Кормиться нечем. Она мечется по штрекам, через несколько дней начинает жрать крыс. Всё, с этого момента – это уже не корова. Это сбесившаяся тварь. Во-первых, если укусит – загнёшься от бешенства. А бывает, что она загрызает человека насмерть!

– И чего?

– Чего, чего… Загрызает и жрёт!

– Ну, кому ты свистишь? Какая корова?! Как она может мясо жрать?

– Ха! Моё дело предупредить, студент. А там как знаешь.

– Ну и как её оттуда вытаскивают?

– Вызываем горноспасателей, они заразу отстреливают – и в вагонетке на-гора.

– Ладно. Мели Емеля! Когда в шахту спустимся?

– Я думаю, ещё пару дней на поверхности потопчемся.

Тарас всё же спросил у отца про коров, гуляющих по штрекам.

– Да, это байка шахтёрская, сынок. Ну, какая корова в шахте?!

– Я так и понял. Салагу нашли!.. Ну а вообще, сможет она пройти по штольне?

Роман Тарасович, отвернувшись, улыбнулся в усы:

«Ну, теоретически это возможно. По габаритам впишется. А потом смена среды обитания… Голод – он, знаешь, не тётка!»

Больше о корове никто не поминал. Тарас с грехом пополам познавал горное дело на практике. Прогуливал, курил в вентиляционном штреке, туда же ходил по нужде. Надо заметить, что вентиляционный тоннель не освещается совсем. Ориентироваться можно только с помощью шахтёрской лампы, закреплённой на каске. Студент выбрал для отхожего места закуток недалеко от сбойки, ведущей в запасной штрек. Мужики решили проучить «гадёныша». Подгадав момент, Серёга, здоровенный щербатый хохол, затаился в сбойке, с шахтёрской лопатой. В нужный момент подставил совок под Тарасов «агрегат» и тихонечко, по завершении процесса снова зашёл в сбойку. Студент инстинктивно оглянулся на «место преступления»… Ничего не обнаружив, лихорадочно стянул штаны и стал искать там «неудачно приземлённый продукт». Сергей, сложил ладони рупором, и по штреку прокатилось басовитое: «Му-у-у». Страх парализовал Тараса. Сердце скатилось к спущенным штанам. Он подхватил их и кинулся бежать. Упал, разбил лампу, расквасил нос… Так и летел на крыльях ужаса, спотыкаясь и падая в кромешной тьме, пока, наконец, не выскочил на подъём. Стволовой, могучий и строгий, как швейцар в Метрополе, осадил студента испепеляющим взглядом.

– Там корова!!!

– Какая корова, ты чего охренел?

– Такая! Бешеная!!!

Стволовой всё поняв, зашёлся в истерическом смехе: «Ну, уморил, пацан! Накололи тебя мужики, по самые «помидоры»!

Больше в забое Тарас не появился. До конца практики прошестерил у маркшейдеров, бегая на посёлок за водкой для конторских. А Игорь всё равно получил свою «семёрку», пусть и немного позже. Белую, чистую как лебедь на пруду у Новодевичьего монастыря!

Сейчас трудно представить, что до 1957 года о защитниках Брестской крепости не поминали вовсе – а уж героями не признавали и подавно. Кому-то здесь хотелось написать свою «историю» Великой Отечественной. Там, за бугром, лепили свои мифы о событиях и героях Второй Мировой. Самоотверженный подвижник, Сергей Сергеевич Смирнов, посвятил свою жизнь выявлению неизвестных героев. Он осветил всему миру бессмертный подвиг русского солдата и в Брестской крепости, и на полях сражений, и в тылу врага.

Майнштад – английская зона оккупации. 21 мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Двое бывших военнопленных, освобождённых английскими солдатами, осматривали окрестности поселения. Право на патрулирование имели все наши солдаты, приписанные англичанами к комендантской роте русского лагеря. Трое гражданских вызвали подозрение у «бывших красноармейцев» Губарева и Сидорова. Они их арестовывают, препровождают к начальнику патруля. Английский офицер решает отпустить «раненых» – но наши ребята настаивают на аресте. Один из задержанных, с документами фельдфебеля Хитцингера, вызвал у них подозрение. Дорогие часы с компасом, тёплый офицерский плащ, поверх гражданской одежды, нарочито перевязанный глаз… Наблюдая эту троицу до ареста со спины, Губарев и Сидоров, обратили внимание, что «фельдфебель», имея при себе костыль, перемещался совершенно свободно. После задержания, немец стал имитировать ранение – чем усугубил подозрение.

Через несколько дней выяснилось, что ребята выловили Генриха Гимлера.

Память… Конечно, она не приемлет прямого вмешательства. И силовое давление вызовет обратный эффект. Но… Мастера манипуляций, искусные иллюзионисты-лохотронщики, создавая параллельные измерения, осторожно приглашают вас в свой паноптикум. Они наполнили фантомные образования ложными событиями, лже-героями, вымышленными псевдоисторическими фактами и т. д. Проходит некоторое время и эти манипуляции достигают поставленной цели. Отрава, проникнув в сознание людей, создаёт ложную память, которая мимикрируя под генный код, уничтожает его. И всё! Отныне, белое – это чёрное! Чёрное – это белое! Знаковые события, истинные герои – постепенно забываются. Следующее поколение

просто не знает о том, что было. А «помнит» о том, что впарили их родителям и продолжают позиционировать как непреложные истины.

Извини, мой дорогой ведомый! Попробую отсюда докричаться до моих земляков… Кимовчане! Братцы – недоросли! Кого из героев- земляков, кроме резидентов Комеди Клаб вы знаете? Может быть, кого-то помните, помимо авторитетов, оставивших криминальный след в истории города?..

Василий Ильич Губарев, человек, поймавший и арестовавший кровавого палача Генриха Гиммлера, вернувшись с войны, работал проходчиком шахты 1-я Зубовская. Простой русский мужик, Родившийся в Рязанской области, в деревенской семье, долгое время даже не упоминал сослуживцам об этом факте своей биографии. Фактор плена рассматривался как порочащее пятно на биографии советского человека. А рядом было столько героев… И это, правда! Практически все шахтёры прошли ужасы войны. Да и женщины, своим героическим трудом внесли весомый вклад в дело Великой Победы.

В мае 1970 года, англичане пафосно отмечали дату захвата «палача народов» Генриха Гиммлера, героическими представителями вооружённых сил Её величества Королевы Великобритании. Василий рассказал сослуживцам свою версию… Директор шахты, Илларион Скубилин, связался с Сергеем Сергеевичем Смирновым, и правда об этом знаковом событии стала достоянием всего Советского Союза. Более того, Правительство Великобритании было вынуждено официально признать факт «участия» бывших военнопленных бойцов Красной Армии Губарева В. И. и Сидорова И. Е. в аресте Генриха Гиммлера. Василий Ильич и Иван Ефремович были удостоены благодарности Её величества Королевы и награждены пакетом Красного креста – а этих документов из истории не изъять.

Губарев и Сидоров были репатриированы в СССР, где прошли госпроверку…

Сидоров И. Е. умер в 1979 году. Ушли в мир иной и С. С. Смирнов и И. И. Скубилин, хранители подробностей той славной страницы нашей истории. В архивах Управления ФСБ по Рязанской области, сведения о дальнейшей судьбе Василия Ильича Губарева отсутствуют…

Народная мудрость – это верный «спасательный круг» для выживания этноса в условиях глобальной англо-саксонской экспансии. Народная мудрость – это ремёсла, сказки и сказания, пословицы и легенды и, конечно же, песня. А Русская народная песня – неотъемлемая часть нашей загадочной и самобытной души.

Мои дорогие! Не верьте внедрённому в ваше сознание ложному воспоминанию о серости, убогости шахтёрского быта. С пьянством и преступностью боролись, в том числе уделяя огромное значение культуре и спорту. В Доме Культуры Горняков регулярно проходили концерты популярных артистов. Работали многочисленные детские кружки. Подрастающее поколение учили музыке, танцам, изобразительному искусству, радиоделу. И заметьте – всё это было бесплатно! Именно с этой сцены начался славный путь потрясающей певицы-народницы, Татьяны Николаевны Хохловой. Заслуженная артистка России, лауреат многочисленных всесоюзных, Российских и международных конкурсов, лауреат премии Ленинского Комсомола, служит стране, являясь солисткой Государственного академического ансамбля. Легендарная Людмила Георгиевна Зыкина приводила своих учениц на мастер-класс к студентке Тане Хохловой, чтобы они учились искусству владения голосом и мастерству выплетать звуками кружевные узоры. Многие песни, в исполнении Татьяны, вошли в Золотой фонд Гостелерадио России. Эх, братцы, если бы вы слышали, как Танюша поёт с мамой, в два голоса, длинными Московскими вечерами.

На стадионе были организованы детские спортивные секции по футболу, волейболу, русскому хоккею, боксу, городкам, тяжёлой и лёгкой атлетике. Кимовчанин, Владимир Моисеев, стал всемирно известным марафонцем. Он неоднократно занимал призовые места в Союзных и международных соревнованиях. Его спортивное долголетие поражает. Активное участие в соревнованиях Владимир принимал с пятидесятых годов до середины семидесятых.

Двадцать лет быть одним из ведущих спортсменов Советского Союза – разве это не подвиг?! В 1957 – Моисеев выиграл крупные соревнования в г Кошицы в Чехословакии. В 1972 году он установил Всесоюзный рекорд в беге на 30 километров! Именно Владимиру доверили нести олимпийский факел Олимпиады-80 от Тулы до границ Московской области.

Лучшим спортсменом 1939 года стал Владислав Жмельков. Не один вратарь Советского Союза, а затем и России не смог, за спортивную карьеру, превзойти рекорд голкипера по количеству отражённых пенальти. Самые выдающиеся игроки страны мечтали забить Жмелькову именно с пенальти. За обладание самородком шла жёсткая борьба. Свою душу и сердце Владислав отдал Спартаку. ЦСКА, желая заполучить лучшего вратаря «времён и народов», в 1940 году затеял судебное разбирательство. Суть обвинения заключалась в том, что Жмельков якобы не дослужил в армии два месяца – а потому обязан играть за армейский клуб. Сложный, бескомпромиссный характер спортсмена не позволил разрулить ситуацию «полюбовно». Был суд. Владислава отправили дослуживать, причём в строевую часть, а не в спортроту. На него был наложен запрет выступать в Союзном первенстве до 1942 года включительно. Такое было время. Все говорили, что ещё очень легко отделался. С первых дней войны Владислав ушёл на фронт. Вернувшись с победой, поиграл в нескольких клубах страны от Смоленска до Тбилиси, но не было того фантастического Жмелькова. Шесть лет без тренировок, из них четыре года на фронте – конечно, сыграли свою пагубную роль. Его колоссальный опыт, к сожалению, остался невостребованным в большом спорте. С конца пятидесятых до середины шестидесятых легендарный Владислав Жмельков, Заслуженный мастер спорта СССР, жил в Кимовске. Он тренировал местную футбольную команду «Шахтёр». Под его руководством, никому не известная горняцкая дружина стала чемпионом области. Благодаря этому была построена большая трибуна на городском стадионе. Для кимовчан – это был настоящий герой и непререкаемый авторитет.

Лучший нападающий «Шахтёра» – Николай Ушнов. Легендарнейшая личность. Его звучное прозвище «Клин», многократно повторялось тысячью голосами на стадионах Мосбасса. Это был феноменальный футболист… И тоже со сложным характером. Поэтому так и не сложилась его спортивная судьба в лучших клубах Союза. Там, где хотел играть Николай – был невостребован. Куда старались затащить силой – натыкались на его непреклонную волю. В то время в стране был необыкновенно популярен русский хоккей. И здесь не было равных Клину. Его имя гремело на весь Мосбасс. Яркая, неугасимая звезда! Жил Ушнов рядышком со стадионом им. Ленина и активно выступал за Кимовские команды и в сорок. Он вырастил двух сыновей Александра и Сергея, которые стали профессиональными спортсменами, республиканского уровня.

Неоценимый вклад в развитие спорта в городе внёс директор стадиона, мастер спорта СССР, Николай Петрович Долгих. Всю свою жизнь «дядя Коля» посвятил развитию и укреплению силы, воли, духа подрастающего поколения.

А ещё просторы мирового океана стал бороздить дизель-электроход «Кимовск», названный в честь юного города горняков, за его вклад в становление и развитие народного хозяйства. А так же благодаря районным пионерам и комсомольцам. Собранный ими металлолом, после переплавки влился мощной струёй в огнедышащую реку металла, из которого изготовили шпангоуты и стальные листы для их обшивки. Славное было время!.. Такое далёкое и близкое.

Но, однако, пора возвращаться к Дону – всё самое интересное ещё впереди!

Летим к Епифани! Племянник Ивана Грозного, князь Ванюшка Мстиславский основал крепость в 1566 году и нарек её Епифанью.

Здесь лучше всего сохранились шлюзы, устроенные Петром Великим в его проекте Ивановского канала. Но главная изюминка – Никольский собор. Ещё не забыли, что мы опять в 1922 году? Собор разорён, но остатки Имперского величия всё равно потрясают.

Извини, вынужден опять на секунду вернуться на грешную землю в год 2015. Храм до сих пор реставрируют. А начали, по распоряжению Л.И Брежнева, в шестидесятые, прошлого века…

Всё! Вперёд по течению. Ага! Непрядва впадает в Дон, давая ему новое дыхание. Стоп! Вот оно Поле Куликово! Поле Вечной Воинской Славы!

Ало!!! Фоменки и прочие Носовские! Вы сюда приползите и расскажите людям про Московские Кулишки. Я думаю, казачки вас внимательно выслушают… Оно понятно – политика штука сложная! О-о-о… Поди, угадай – где кормить лучше будут… Наука, совесть там всякая… Да эту муйню-шмуйню – надо засунуть в …Тут главное – ухватить чуйку за хвост! А чуйка эта – тоньше, чем комариный «хомячок»…

Так, для справки. Кое-что всё же откопали археологи. Они тут рядышком, в Монастырщине, постоянно живут и работают уже много лет. Они вам расскажут, что в те славные временна дороже оружия, которое подбирали после каждой битвы, до последнего наконечника – была воинская честь и нерушимая вера во Всевышнего. Погибших не бросали на поле брани. Ни своих – ни чужих. Такие обычаи были у моих единокровных предков, уважаемые! Дмитрий Иванович – это не Иосиф Виссарионович. Павших свозили в Коломну и Серпухов. Долго на подводах – но всех! И потом родственники разбирали своих – и наших и ордынских. Ну а уж невостребованных, приняла землица в Серпухове, Коломне и Москве. Только не на поле брани! Оно пропитано кровью павших. И земля эта – свята!

Всё! Замолкаю! Смотрите на восток. Это Рязанские земли. Видите, как всё переплетено! Вон там – Скопин, чуть подальше – Бестужево. Какие знаковые места! И всё так рядышком… Можно возвращаться. Почему летали в 1922? Да потому, что моя история всё равно вернётся «туда и тогда!»

Деда по отцу, Кирилл помнил плохо – его снесли на погост, когда парню было лет шесть или семь. Степан, родившийся в нищем селе под Житомиром – в Гражданскую уже командовал полком. Потом, осев на Рязанщине, до сорок первого служил по партийной линии – сначала в уездном совдепе, а потом в районном комитете КПСС. В конце сорок второго дед попал в плен, в чине батальонного комиссара, то-бишь, по-теперешнему – майора. Немцы расстреливать не стали, желая использовать ситуацию себе в пользу. Но на следующий день Степан Андреевич был отбит диким, блуждающим взводом, который вскоре влился в партизанский отряд. Бывший комиссар Красной Армии партизанил в должности заместителя командира отряда. В сорок четвёртом партизаны влились в ряды 40-й армии, в составе Юго-Западного фронта, под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко. После войны, плен Степану не простили. Посадить не посадили – но от власти отрешили навсегда. Он до смерти проработал сторожем на складе комбикормов в колхозе, который при «Хруще» перевели в совхоз, с прирезом соседнего нищего коллективного хозяйства.

Во время коллективизации, Стёпка, комиссаривший в Михайлове, практически не вылезал из большого, зажиточного села, впоследствии ставшего центральной усадьбой колхоза. Активно загонял сельчан в «союз трудового братства», потрошил и сплавлял на этап раскулаченных мироедов. Женился на красавице Анне, из соседней деревеньки, не тронув её родителей, которые были весьма зажиточными по большевистским меркам. Бабка Кирилла, так и металась до самой Великой Отечественной, между домами – то в Михайлов, то во Ржевку. Дед, в силу классовых противоречий, редко посещал дом тестя. Детей долго не было, пока в тридцать девятом не появился на свет отец Кирилла – Иван Тымчук.

Немцы прошли при наступлении на Москву, едва коснувшись села обжигающим крылом – снесли по ходу памятник Ленину у бывшего храма, не тронув ни дворов, ни живности. Отец Кирилла жил и рос у матушкиных родителей в деревне, на парном молоке, на своём хлебе из русской печи. Мяса и птицы тоже хватало – дед с бабкой сумели не только выжить, но и прирасти добром. Хозяйство было крепкое, жизнь, несмотря на все ужасы войны – вполне сносная.

А история с камнем, на котором до войны стоял вождь мирового пролетариата, неразрывно связана с этой землёй, с этими людьми, с этой загадочной и непонятной для «басурманов» страной, под названием Россия.

Будучи переполненным революционным хмельным пойлом, Степан долго, до хрипоты убеждал местный совдеп поставить памятник Иуде Искариоту, как первому, пламенному революционеру. Он должен был стоять во весь рост, с поднятой к верху рукой, призывающей к бунту. Обязательно со сжатым до каменного хруста кулаком. И поставить памятник надо было, по его разумению, напротив разграбленного Храма. Он даже приволок на лошадях, с помощью катков из дубовых чурок, большой гранитный камень с Храмового погоста. Для этого надо было свалить с него гипсовую копию Скорбящего Гения, сработанную по фотографиям скульптуры К. Барта, нанятым барином залётным мазилой. Стёпки было глубоко «по полковому барабану» – кто такой Барт и что там за срамной мужик восседает на красивом гранитном постаменте. А местная голытьба с удовольствием помогла разорить буржуйский склеп.

После нескольких дней героической борьбы с законом земного тяготения Ньютона и Эвклидовой геометрией, удалось водрузить камень на подготовленное место.

Почему Иуда, в Рязанской глубинке? Да потому, что Степан видел подобное творение бесноватой братии в Свияжске, где Иуду установили по рекомендации и благословлению товарища Ленина! Споры по персонажу со временем переросли в дискуссию по необходимости вообще тратить деньги на какие-либо памятники, пока сверху не спустили директиву о необходимости увековечивания памяти самого товарища Ленина. Памятник в сорок первом свалили и утилизировали гусеницами танка фашисты. Мемориально-тиражного Ильича, после войны поставили уже напротив здания совхозной администрации на стандартном постаменте. Храм «подшаманили» и переоборудовали под совхозный склад комбикормов, а вросший в землю гранитный камень и до сей поры там, и зовут его Степаном. О связи времён, имён и прочей «фигне», никто и не задумывается.

Степан – так Степан. Как будто, так было всегда…

Конец августа выдался необыкновенно жарким и сухим, как будто осень где – то заблудилось на бескрайних просторах великой страны победившего социализма, забыв дорогу в эту тихую, Богом забытую деревеньку. Снова потянуло сладковатым дымком с юго-востока. Дышать было тягостно и даже противно – но не так как в июне, когда горели торфы и леса в Мещёре. В Гремячем начали ставить плотину. Настала пора собираться в дальнюю дорогу. Пожитки были собраны – ждали обещанный бортовой грузовик. Никто тогда и не подозревал, что это громадное гидросооружение, для создания водохранилища, убьёт навсегда первозданную красоту чистой, ласковой речки. А имя – то, какое! Прóня… Правда Тульские, которые владели сравнительно небольшой акваторией с левого берега, где речка откусила не хилый кусок их землицы – называли её Пронь. Но Рязанское «Проня» – ласковое, домашнее, что ли, было Кириллу куда как ближе и роднее. Но и Тульским досталось своё счастье. По их землице, через Хитровщину и Ковалёвку к Марчугам, журчало чудо с не менее ласковым названием – Улыбыш. Чуть ниже Марчугов, улыбающаяся речушка, сбавив нрав, плавно втекала в глубокий, синий как небо, омут в излучине Прони. Это благое место носило название «Три речки». Через несколько лет, достроят плотину, накинут огромную бетонную удавку на шею девственной, нетронутой красоты – и на её месте разольётся громадное, серое, стоячее «ничто». Несколько деревень, из предполагаемой зоны подтопления, выселят по Рязанским да Тульским городам и весям… А вот Ржевские, с Рязанского берега, всей деревней попали в саму Москву. Так Кирилл стал «москвачом», со всеми домочадцами и кошкой Муркой. Она на удивление быстро привыкла к городской жизни, и ей повезло больше всех при новоселье – так как въехали на первый этаж. Вылазки на двор и обратно, кошка совершала, по деревенской привычке через форточку в кухне. Ржевка была приписана к Московской железной дороге,

хотя и находилась в самом центре богатого птицеводческого совхоза. У всех были паспорта на руках. Испокон века мужики служили на «железке», работая вахтами, а женщины в большинстве своём тянули домашнее хозяйство, да батрачили по найму на птицеферме. Когда водохранилище заполнилось – оказалось, что Ржевка выше уровня затопления, хотя вода подошла почти к самым дворам.

Там вообще была какая-то мутная история с этой деревней. Дома, по отселению, почему-то не снесли, как будто зная наперёд, что всё так выйдет, как и вышло.

Старики тут же вернулись на насиженные гнёзда. Несколько лет деревня просуществовала в статусе фантомного поселения. С карты области её стёрли, отрезали электроэнергию и опечатали сельпо, с заколоченными крест-накрест окнами. Мужики быстренько протянули провода к одиноко стоявшему трансформатору, условно обереженному видимостью забора, и в дома вернулся свет. Огороды вновь обрабатывались, по дворам разгуливало пернатое братство. Потянувшиеся к родным пенатам брошенные собаки, привели с собой злющий, дикий приплод. Выросшая в иной среде молодь, впитала с молоком матерей только звериные инстинкты. Никакого родства с двуногими «ватниками» быть не могло. Страшное племя – не боящееся огня, быстро выучившее и запомнившее людские привычки. Но в недолгой и жестокой войне «хозяин природы» победил. Кого-то из четвероногих удалось сломать и приручить – но большинство стаи было отстреляно. Такова жизнь – и выживает сильнейший!

Позже МПС помогло всем деревенским оформить их бывшие владения как дачные участки. До Москвы далековато, около двухсот километров – но бесплатный проезд по железке большинству Ржевских был обеспечен. От Михайлова до Казанского вокзала в столице добирались за три часа. До Михайлова и обратно на рейсовых Па́зиках или на совхозных попутках, снующих как муравьи, по новенькой заасфальтированной дороге до самой центральной усадьбы совхоза. Ну а уж до Ржевки – пёхом с километр по отсыпанному советской властью грейдеру.

Кирилл выучился на инженера-путейца, женился на красавице Оксане, которая приехала из Киева по распределению в ордена Ленина Главмосстрой при Мосгорисполкоме. Через год родился сын, Кирилл Кириллович. Молодые получили двухкомнатную квартиру в Кузьминках, недалеко от метро и от дома родителей Тымчука.

Младший Ржевку не полюбил, может потому, что никогда не видел девственную красоту Прони… У бабки в Киеве ему нравилось всё. И город, и шикарная квартира на Крещатике, и профессорская дача деда. А когда Оксана умерла от тяжёлой и мучительной болезни – и вовсе уехал из Москвы на Украину. К двухтысячному Кирилл-старший остался совсем один. Родителей не стало, младший с семьёй приезжал крайне редко – а в начале четырнадцатого, связь полностью прервалась. Два Кирилла насмерть переругались в телефонном разговоре, категорически расходясь в оценках Украинских событий.

Тымчук-старший не отрывался от экрана телевизора, просиживая до утра в осиротевшей кухне. В душе зияла дыра, которая мучительно ныла, словно дупло в запущенном «зубе мудрости».

Он не мог ни понять, ни простить. Столько звериной злобы встречал в своей жизни однажды – когда дерзкая стая молодой четвероногой поросли терзала возродившуюся Ржевку, терроризируя всё население. После того, как псы задрали двух женщин на дороге к центральной усадьбе – мужики решили проблему жёстко, быстро и беспощадно… Недавно Кирилл узнал, что в селе под Житомиром, на родине деда, снесли памятник Ленину. Говорят, что уже вскоре на постамент встанет Степан Бандера. Глоток… Ещё глоток… Годик, другой… Степан – так Степан. Похоже так было всегда…

«Щирый козак», Тымчук-младший, с шевроном карательного батальона «Айдар» на рукаве, пропахшего порохом камуфляжа, внимательно припадает к оптике СВД.

– Сколько их ещё, этих «клятых сепаров». Десять… Тридцать… Сотня!..

Ядовитое пойло кипит в жилах, выжигая генную память «косопузых рязанских ватников». Рвать! Рвать навсегда порочащие связи!

Самое время, дорогой мой читатель, заглянуть в стольный град на берегу Днепра…

Только вот глаза запорошило, да «крылья жмут»…

– Слава Украине!

– Героями слава!.. – Ревёт зомбированная толпа.

– Колорадов, стереть с лица земли! Ватников и их детей – в топку! И детей от смешанных браков, тоже в топку! – Ряженый казак покосился на такого же ряженого попа, стоявшего одесную – мол, не слишком ли круто «завернул». «Поп» молча, одобрительно кивнул.

– Слава Украине!..

Интеллигентная «училка», уронила, озабоченно – усталый взгляд с балкона на бесную-щуюся толпу…

– Героям слава! В топку – так в топку…

Всё! Даже в Лавру не хочу. Летим обратно. На Дон! На поле Куликово! К нашим обережным камням.

В десяти километрах от Куликова Поля, на берегу речки Мокрая Табола – охраняемый памятник природы Кимовского района. Целистиновые обнажения, вскрытые родниками, с целебной водичкой. Поднимемся от реки в село. Это Себино. Здесь родилась и крестилась в Свято-Успенском храме Подвижница веры православной, Блаженная и Праведная матушка Матрона Московская.

«Величаем тя, святая праведная старице Матроно, и чтем святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего».

Эта местность в древности носила название Червлёный Яр. Капище на Красном Холме, в устье Красивой Мечи почиталось нашими предками, как и в прежние времена, выходцами из Арийской страны (теперешний Иран) и позднее пришедшими сюда угро-финскими племенами. Все близлежащие реки, в своих славянских названиях несут угорские корни. И только Дон сохранил своё арийское название из глубины тысячелетий. Ни финны, ни наши предки не пожелали менять имя, данное реке сынами Заратустры.

Комплекс мегалитов от деревни Белоозеро, близ Кимовска до Могучего Конь-камня, у Красного Холма, в устье Красивой Мечи, перед впадением в Дон – едва ли не старше распиаренного Стоунхенджа. Все эти естественные обнажения и рукотворные сооружения, включая Стоунхендж, связаны между собой условными линиями и окружностями, которые распространяются от двуликого идола в Красном буераке. Это древнейшее на Земле изображение божества является нерукотворным, что доказано учёными. В один из ближних обережных кругов попадают и Гремячевские пещеры, и Толстовская Ясная Поляна, с близлежащим городком Щёкино. Это место связано с ключевым событием в наших с тобой путешествиях. Мы сюда обязательно вернёмся. Британское чудо света находится на Вселенской обережной окружности. Молчаливый двуликий божок точно знает, откуда мы, русские, пришли в эти угорские земли. Может с берегов Дуная и Днепра? Может быть из-за Урал-камня, из священного Аркаима? Может с Ладоги, с её таинственными мегалитами, которые вписываются в математически выверенное построение камней вокруг молчаливого, двуликого божка с Куликова поля? Или осели здесь наши праотцы, придя с ордами Бату-хана, как учат своих детей наши братья, с бывшей окраины земель Русских? Киев, конечно, «мать городов Русских»… Но не он, а Москва – Третий Рим! А четвёртому, как известно – не бывать!

Ну вот, пожалуй, и всё на сегодня. Конечно, не мешало бы снова слетать на Проню и показать вам шикарную базу отдыха, отстроенную для бывшего всесильного правителя Златоглавой сотоварищи, в природоохранной зоне. Покружить бы над бунгало, причалами и катерами, которые бороздят просторы водохранилища – но боюсь нас «снимут влёт» специально обучен-

ные, для охраны частной собственности, людишки. К слову сказать, жителей нескольких городов пользуют водицей из этого самого водохранилища, «осеменённого» катерами да яхтами. А ещё бытовые стоки, канализация. Но что поделаешь – артезианской скважины, снабжающей базу, не хватит на всех страждущих…

Нет, не хочу заканчивать на минорной ноте. Мы ещё споём, мои дорогие! Летим за Гремячевскую плотину! Совсем немного по руслу освобождённой Пронюшки, до светлого ручейка, впадающего с Тульского берега. Видите там, вверх по ручью, красивая часовенка – нам туда. По преданию, в селе Осаново, над колодцем было Явление Иконы Казанской Божьей Матери. На источнике построили часовню и стали почитать это место как святое. В XIX веке, воздвигли часовню из кирпича, которую по приказу Никиты Хрущёва взорвали в 1957 году. В 1987 поставили деревянную, которую в 2002 году сожгли дотла сатанисты. В 2005 была построена кирпичная часовня по дореволюционному проекту, сохранившемуся в архивах. Из колодца под часовней выходит огромная труба. По ней с шумом низвергается святой водопад, стекающий к ручью. Благодатная струя, сливаясь с Проней, освещает её воды, стремящиеся к Оке. Источник не замерзает зимой. Круглый год в нём постоянная температура, около четырёх градусов по Цельсию. 21-го июля, на Летнюю Казанскую, в день явления Иконы, сюда стекаются верующие со всего Православного Мира. Более трёхсот лет повторяется один и тоже ритуал. Надо пройти под низвергающейся струёй три раза, чтобы на целый год зарядиться здоровьем, смыв все грехи и хвори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.